

Юрий Петрович, создает впечатление, что в последние годы вы стали как-то спокойнее относиться к происходящему в театре на Таганке и в стране в целом.

— Наверное, вы правы. Раньше, когда была вся эта свистопляска с театром, я не мог, как ни старался, скрыть негодования. Но я стараюсь брать пример с английской школы воспитания: не надо навязывать своих чувств, своих оценок, а напротив — справляться с чувствами, несмотря ни на какие безобразия, на унижения даже.

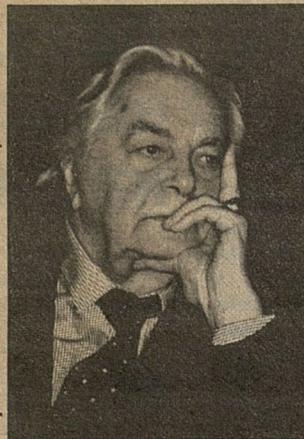
Ну а теперь-то и вовсе — в свете нынешних событий в стране что уж тут о театре-то говорить... Просто теперь те же большевики, только другого разлива: говорят о рынке, о рыночных отношениях, о международных связях. Ленин стоит при этом — с протянутой рукой. Повсюду ведь стоит. Вы можете себе представить, чтобы в Германии всюду стоял Гитлер?.. А бывшие коммунисты собирают на Западе деньги, чтобы выплатить нам зарплату, на которую, как они прекрасно знают, жить нельзя. Только выжить. Творится беспредел. Это слово, между прочим, из Достоевского.

Вон они украли название у Таганки — как, где, в какой стране такое возможно? Да не только название, но и здание украли — ведь им давали же другое здание, так нет, подавай им именно это.

— Но если все так уж ужасно, то почему же не уехать? Несколько лет назад вы говорили, что не вернетесь назад.

— Жалко театр, жалко, что при моей жизни разорят и этот театр и повесят рекламу йогурта, как вон у них висит. Впрочем, все это уже так хорошо известно, столько об этом писалось, и снова перебивать все, ворошить это грязное бельё, делать, бесплатную

Юрий Любимов. Фото А. Стернина.

рекламу тем, кому ее делать вовсе не нужно, — зачем?

— А какова теперь ситуация в театре?

— Работаем. Сейчас я ставлю "Шарашку" по роману Александра Исаевича Солженицына "В круге первом". А еще "Марат и Маркиз де Сад" П.Вайса.

— Александр Исаевич одобрил этот проект?

— Да, я был у него, мы беседовали о постановке, он обещал появиться на репетициях. Но на премьере, вероятно, автора не будет, так как мы будем играть в день юбилея Солженицына. Я буду играть Сталина. Спектакль так назвали, как вы понимаете, учитывая и нынешнюю ситуацию в стране. Александр Исаевич не возражал. Он описал это в своей книге "Россия в обвале".

— Вы давно знакомы с Солженицыным?

— Мы знакомы с 60-х годов. Мы с покойным Борисом Можаяевым проводили Александра Исаевича накануне его ареста. Чувствовалось, что сгущаются тучи... И мы поехали к Солженицыну на дачу. Вернее на дачу к Лидии Корнеевне Чуковской, в Переделькино, там тогда жил Солженицын. Сели в

Юрий Любимов: «СТАВЛЮ "ШАРАШКУ"»

мои "Жигули" и поехали. Машину предусмотрительно оставили за сто метров от дачи — два старых дурака!

А спустя 12 лет мы встретились в Вермонте. Когда я приехал к Солженицыну в гости, он стоял на пороге своего дома, а в руке держал часы. И оказалось (мистика!), что мы встретились 12 лет спустя в то же самое время, когда расстались, и он об этом помнил.

А когда я переехал жить в Иерусалим, Александр Исаевич позвонил мне и спросил: "Как вас Бог надрумом переяхать жить в Иерусалим?" Так что он, оказывается, следил за мной...

Еще я — это уже вне театра — репетирую "Апокалипсис" по библейскому тексту Иоанна Богослова. Музыку написал композитор Мартынов, с которым я сотрудничал в "Братьях Карамазовых" в моем театре. Собираемся сделать премьеру в феврале в Домском соборе Риги. А спустя год надеюсь, если Бог приведет, представить и в Иерусалиме в день 2000-летия Рождества Спасителя. Мы получили благословение Патриарха Алексия II.

— Ну а обещанная "Кармен" в Большом?

— Так этого же не будет. А почему не будет — вопросы к директору Большого, а не ко мне.

— Поделисье все-таки...

— Во всем эта океанная неразбериха постоянная. Денег, конечно, не нашли. На "Пиковую даму", которую по-

казывали во МХАТе в Камергерском в прошлом году, были деньги. Но откуда?.. "Гёте-институт" дал. Хотел устроить для москвичей праздник, событие. Ну а теперь денег нет. А я уже привлек к работе Геннадия Рождественского. Просто неудобно перед людьми — странно, мягко говоря, выглядишь. Но я все же надеюсь поставить "Кармен", тоже, быть может, в Риге или еще где-нибудь. Жаль проделанной работы.

— А какова вообще, на ваш взгляд, ситуация в московских театрах?

— Я, как врач, не говорю о коллегах. Но мне особенно интересны спектакли Судзуки. Я видел то, что показала Ариана Мнушкина, видел Стуруа. Постановки Фоменко интересны, мне понравился "Плеч Иеремии" Анатолия Васильева. Но в целом состояние театра печальное, провинциальное.

— Все очень увлеклись антрепризами?

— Это просто халтурбригады, как гамлетовские пузыри на воде: булькают, булькают и исчезают. Да, на Западе много антреприз, но опять же не везде. В Германии, например, много репертуарных театров. В Англии есть очень сильные антрепризы, но ведь спектакли-то идут по два-три года, а не три-четыре раза, как порой у нас. Моя "Чайка" в Греции с участием прекрасной Кати Дондулаки выдержала 400 представлений. Это весьма немало. А самая лучшая ситуация с теат-

«Русская мысль»

ром — стабильная, уровень театров высокий — наверное, в Англии...

— А каким сегодня должен быть театр?

— Театр сегодня — это синтез и краткость. Спектакль должен идти максимум 2-2,5 часа.

— Но ведь "Мастер и Маргарита" идет четыре часа.

— Около трех когда-то шел. А сейчас я сократил его до двух с половиной.

— Правда ли, что в свое время на этот спектакль ходили даже члены ЦК?

— Даже политбюро. Черненко был, например, Машеров, Мазуров, Микоян, Шепилов, Шелест, Шелепин и даже Демичев с Гришиным (который предлагал закрыть театр после спектакля "Пристегните ремни", коммунистами же заказанного, кстати говоря). Даже Брежнев собрался дважды зайти в театр. Один раз с Никсоном. Но так и не приехал, а уже весь театр проверили, уборную отремонтировали и опечатали, чтобы никто не вошел, а здание наводнили номенклатурой и гебешниками. Но он так и не собрался.

— Юрий Петрович, в театре больше не играет Демидова, нет Смехова. Каково состояние труппы Таганки сегодня?

— Ну, во-первых, есть "старики": Золотухин, Шаповалов, Соболев, Антипов, Полицеймако, Смирнов, Фарада... Но есть и талантливая молодежь. Есть и друзья, и хорошие знакомые — коллеги; и много приятных людей, которые ко мне хорошо относятся.

— Вы лично не ощущаете себя одиноко в России?

— У меня есть семья — жена и сын. Жена Катя — венгерка, в которую я влюбился, еще когда был женат на Целиковской. Сын говорит на пяти языках, закончил школу в Кембридже,

сейчас вот должен сюда приехать, чтобы совершенствовать русский язык. Наверное, он выберет гуманитарную стезю... Еще жива моя младшая родная сестра Наталья, много родственников. Есть внуки и старший сын Никита.

— Целиковская, блистательная русская актриса, была вашей первой женой...

— Я много раз был женат. С Целиковской мы вместе играли в театре: она — Джульетта, а я — Ромео; она — Беатриче, а я — Бенедикт. После того, как мы расстались, она не сказала обо мне нигде ни одного худого слова.

— Выходит, что роман начался не со знаменитой военной комедии "Беспокойное хозяйство"?

— Да нет... Она была необычной актрисой для нашего общества: красивая, женственная, прекрасная пела, но амплуа ее было не ко двору. На Западе она могла бы быть очень богатой. Помните, она улыбалась в гробу в "Иване Грозном" у Эйзенштейна?.. Так вот, Сталину это не понравилось — не понравилась такая царица.

— После Москвы вы вернетесь в Иерусалим?

— Я всегда рад туда приехать, там у нас есть квартира, в центре, по соседству со Старым городом. В Иерусалиме работало много актеров из России, но они вернулись — Козаков, Никулин... Потому что играть в Израиле надо на иврите, а это, уверяю вас, очень трудно. Театров на русском языке нет. Были опыты, но из них ничего не вышло. Вот и вернулись. А Иерусалим — это святой город, и этим все сказано.

Вопросы:
АЛЕКСАНДР ШУНДРИН

Москва